

В огороде Чжоу-гэр уже успел наполнить овощами половину корзины. Тётушка Лю была там же, помогая сыну.

Сегодня они собирались на рынок в основном за фасолью и огурцами. Капуста и редька могли подождать, а вот огурцы с фасолью быстро перезревали и теряли товарный вид. Сейчас же они были в самом соку — нежные, крепкие, за такие можно было выручить хорошую цену.

В горах поутру стоял густой туман, и на диких травах тяжёлыми бусинами висела роса. Деревенские петухи, исполняя свой долг, всю вытаскивали шеи, оглашая окрестности звонким кукареканьем.

Чжоу-гэр оглянулся, не видя привычного сопровождения.

— А где Гуай-цзай?

Чжао-гэр принялся помогать со сбором фасоли.

— Всё ещё спит.

Когда солнце поднялось выше, два огромных короба были полны до краёв. Набирать больше приятель не решился, опасаясь, что не успеет всё распродать.

— Если Гуай-цзай проснётся к твоему возвращению, — сказал он, — отправь его сразу ко мне домой. А я пока подожду тебя у въезда в деревню.

Сегодня они решили ехать на воловьей упряжке старосты — так до города было быстрее, и можно было успеть занять выгодное место на торговой площади.

Вернувшись домой, Чжао-гэр с удивлением обнаружил, что Фан Цзычэнь уже поднялся. Верхняя одежда была лишь небрежно наброшена на плечи, обнажая острые ключицы и бледную кожу на груди. Кадык на шее мерно двигался. Цзычэнь сидел во дворе с Гуай-цзаем на руках, вид у него был совершенно потерянный, точно он ещё не до конца проснулся — глаза были сонно прищурены.

Было около шести утра. Обычно Фан Цзычэнь не вставал раньше семи, а учитывая вчерашние поздние посиделки, сейчас он пребывал в том состоянии, когда человеку жизненно необходима пара бутылок бодрящего напитка, чтобы просто прийти в себя.

Времени на кашу уже не оставалось. Юноша принялся застёгивать на нём одежду, сводя полы рубахи на груди; его пальцы невольно касались тёплой кожи мужа. Закрепив завязки, он не

спешил отнимать руки, давая последние наставления:

— Я приготовил овощи, они в чашке, каша уже остыла. Ты такой сонный...

Он не решился позволить Цзычэню снова лечь в постель. Стоит ему уйти, и этот соня наверняка провалится в глубокий сон до самого полудня.

— Сходи-ка лучше умойся холодной водой.

Фан Цзычэнь поправил растрёпанные волосы, немного приходя в себя.

— Уже уходишь? — негромко спросил он.

— Да! Если поспешу, успею занять хорошее место.

Чжао-гэр взял Гуай-цзяя на руки и обратился к сыну:

— Послушай, папа сейчас пойдёт с дядей Чжоу продавать овощи. Когда позавтракаешь, иди к тётушке Лю и жди меня там, хорошо?

Вчерашняя причёска «фонтанчиком» за ночь превратилась в нечто невообразимое, и теперь голова малыша напоминала растрёпанный одуванчик.

— Я зна-а-аю, — протянул ребёнок.

Он, не сдержав улыбки, нежно поцеловал его.

Поездка на воловьей телеге в обе стороны стоила две медных монеты. Сумма невелика, но мало кто из деревенских соглашался на такие траты, разве что ноша была непомерно тяжёлой или время поджимало.

Сегодня на телеге сидело всего несколько человек, среди них была и Ван Дамэй. Завидев Чжао-гэра, она тут же приветливо помахала ему. Даже если не брать в расчёт её добрые отношения с Фан Цзычэнем, ей самой по себе очень нравился этот работающий парень — она и раньше частенько жалела его.

— Чжао-гэр, Чжоу-гэр, идите скорее сюда, присаживайтесь! — Она подвинулась, освобождая место.

— Спасибо, тётушка Ван.

Юноша сел рядом, и чтобы не занимать лишнего места, обхватил короб руками.

— Как поживает Шестой дядя Хэ? — вежливо поинтересовался он. — Ему стало лучше?

— Намного лучше, — отозвалась Ван Дамэй. — Раньше и с кровати встать не мог, а за несколько месяцев выходился. Сейчас уже может сделать пару шагов, опираясь на палку. Но намучился бедняга знатно, отощал весь — кожа да кости.

В преклонном возрасте тело уже не так крепко, как в молодости, а отцу старосты перевалило за шестьдесят — по деревенским меркам он считался глубоким старцем. Чтобы поставить его на ноги, в доме перерезали всех несущих, но старик всё равно не мог восстановить силы, оставаясь бледным и немощным. Женщине было жаль и свёкра, и кур. Поэтому сегодня на ярмарке она планировала прикупить новых цыплят.

На развилке у деревни Сяожун к ним подсели ещё несколько женщин — все они ехали на рынок, надеясь продать что-нибудь из домашнего хозяйства и выручить немного денег.

Старшая сестра Ван, не выносившая долгого молчания, указала на одну из вошедших и шепнула Чжао-гэру:

— Знаешь, кто это?

Чжао-гэр раньше почти не покидал свою деревню и не знал соседей, зато о нём самом в округе слышали многие. В деревнях люди жили бедно, детей рожали охапками, так что в рабочих руках недостатка не было, и мало кто мог позволить себе купить «слугу». С того самого дня, как семья Ма привела его в дом, он стал местной знаменитостью.

Чжоу-гэр, казалось, припоминал эту женщину, но не был уверен — уж больно она изменилась.

— Это не из семьи ли того учёного Вана?

Ван Дамэй кивнула. С этим учёным она состояла в дальнем родстве.

— Она самая.

Чжоу-гэр искренне изумился:

— Как же так? Учёному Вану ведь всего двадцать шесть... Почему же его жена выглядит... Ну, я видел её несколько лет назад, она совсем не была такой...

«Такой старухой», — мысленно закончил он, но вслух произнести не решился. Слышала она

его или нет, всё же стоило проявлять хоть каплю сострадания.

— А как ей не состариться? — фыркнула Ван Дамэй. — Тянуть на себе учёного — дело тяжкое. Каждый день до рассвета на ногах, вся работа на ней, о том заботься, об этом хлопочи... Ей ведь всего двадцать пять, а дай ей сейчас сорок — любой поверит.

Чжао-гэр хранил молчание.

Она, вспомнив что-то, раздражённо добавила:

— А ведь когда только вышла за него, гонору-то было! Пришла я к ним в дом, так она на меня посмотрела, точно на свинью в загоне. Грубого слова не сказала, но по глазам было видно — за человека не считает.

Учёного звали Ван Чжаовэнь, он был единственным сыном в семье и с самого рождения рос в неге и ласке. Когда он был маленьким, мать взяла его с собой в город, где один гадатель предсказал ему великую судьбу. Мол, лоб широкий, уши толстые — явные признаки благодати. Сказал, что это сама Звезда Литературы спустилась на землю, и в будущем мальчика ждёт великий успех. Мать в те слова свято поверила и с тех пор твердила их как молитву.

В шесть лет Ван Чжаовэнь отправили в город к одному сюцаю на обучение. Он вырос статным, образованным, с белой кожей — ведь физическим трудом никогда не занимался. Деревенские девчата так и заглядывались на него, мечтая выйти замуж и в будущем стать госпожами при муже-учёном.

Хэ Цуйлин была дочерью старосты деревни Сяожун. В юности она слыла первой красавицей и, выдержав нешуточную конкуренцию, сумела-таки войти в семью Ван. Она грезила о жизни в почёте, но Ван Чжаовэнь оказался не столь талантлив: экзамен на статус туншэна он начал сдавать в двенадцать лет и к двадцати шести так и не преуспел.

Ученье стоило немалых денег. Хэ Цуйлин, выйдя замуж, попала под гнёт свекрови и была вынуждена пахать день и ночь, чтобы заработать мужу на книги и кисти. А сам Ван Чжаовэнь целыми днями просиживал в комнате за книгами, не зная ни ветра, ни дождя. И хотя чертами лица он был лишь миловиден, старая поговорка гласит: «Белизна скрывает сто изъянов». Для мужчин это правило тоже работало.

Изнурённая непосильным трудом, Хэ Цуйлин стала ходить на мать своего мужа. В деревне поговаривали, что даже если Ван Чжаовэню улыбнётся удача и он станет сюцаем, то, возвысившись, он вряд ли захочет оставить подле себя такую замарашку. И это не были пустые наветы — в городе сплошь и рядом случалось так, что разбогатевшие мужья бросали своих преданных жён ради молодых и красивых.

— Ученье — это не просто дорого, это разорительно, — вздохнула Ван Дамэй. — Я уж не говорю про всё остальное, но бумага, кисти, книги... стоят они баснословно. Муж сказывал, одна книга

порой стоит дороже целого откормленного борова.

А за такого борова можно было выручить больше двух лянов серебра. Чжоу-гэр невольно шумно выдохнул:

— Книги и впрямь такие дорогие?

— Да! — тихо подтвердила Ван Дамэй. — Не будь они такими дорогими, я бы Хэ Си ещё малым в школу отдала. Знай он грамоту, как паренёк Фан, разве гнул бы сейчас спину в поле?

Не нужно надрывать, работай головой да руками — и вот тебе три ляна в месяц. Им же, чтобы заработать столько, нужно полгода в поте лица трудиться. Зависть брала, что и говорить.

На сердце Чжао-гэра стало тяжело. Он знал, что образование требует затрат, но не предполагал, что таких огромных. Три ляна в месяц, которые приносил Фан Цзычэнь, казались большой суммой, но ведь ему нужно было содержать их с сыном, покупать книги, бумагу...

Он не на шутку встревожился.

***

Они приехали рано, так что им удалось занять самое выгодное место в центре площади. Чжоу-гэр, как опытный торговец, расстелил на земле чистую ткань и аккуратно выложил из корзины связанные в пучки стручки фасоли. Весов не требовалось — один пучок стоил две медных монеты.

В последнее время торговцев овощами стало слишком много, так что покупатели подходили редко. Видя, что дел пока немного, Чжао-гэр предупредил товарища и направился в сторону книжной лавки.

Утром он и не думал об этом, но сейчас ему во что бы то ни стало хотелось своими глазами увидеть, действительно ли письменные принадлежности так дороги. Однако, дойдя до порога, он в нерешительности замер.

Приказчик, заметив его, вежливо поздоровался. Юноша глубоко вздохнул, не зная, что ответить. Хотя одежда на нём была не из дорогих, она была новой и чистой, так что он не выглядел нищим. Приказчик, повидавший на своём веку немало людей, добродушно сказал, что можно просто войти и осмотреться, покупать вовсе не обязательно.

Чжао-гэр вошёл внутрь. Он робко осведомился о ценах на книги, после чего приказчик подвёл его к прилавку с кистями. Были там и дешёвые, и дорогие. Но даже те, что считались дешёвыми, для крестьянской семьи стоили целое состояние.

Самая обычная кисть из козьей шерсти стоила триста, а то и четыреста монет. Тушь и бумага тоже были не из дешёвых.

Ученье и впрямь пожирало серебро. У них не было земли, так что ему во что бы то ни стало нужно было найти работу. Он не мог позволить мужу тянуть всё на себе.

Чжао-гэр шёл по улице, погружённый в свои невесёлые думы. Когда он проходил мимо узкого переулочка, чья-то сильная рука внезапно втащила его в тень. Хватка была железной. Он хотел было закричать, призывая на помощь, но чья-то ладонь мгновенно зажала ему рот.

Крик о помощи так и не сорвался с его губ.

<http://bllate.org/book/15357/1429013>